

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

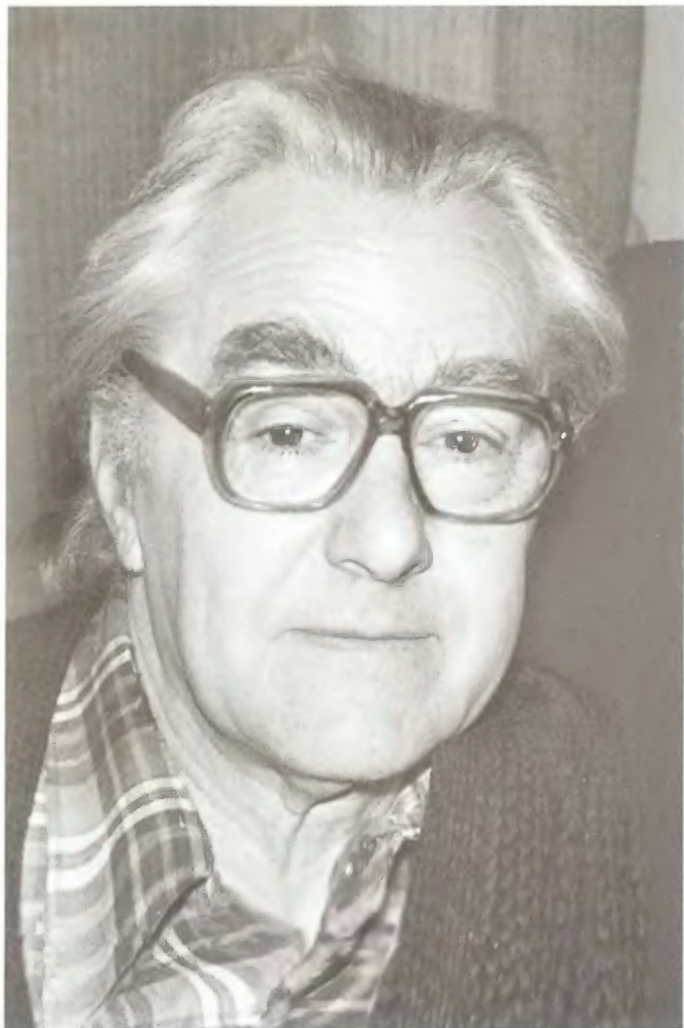
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Феодализм
перед судом историков*

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-1-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

“THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY”: LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT 221

K.L. Bannikov

QUIA ABSURDUM: THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS 261

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR *DEDOVSKHINA*. A BRIEF REMARK 279

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM 285

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES 319

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD 351

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (translated by *G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko*) 363

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. “THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF” (translation and notes by *Ye.A. Gurevich*) 390

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?.... 420

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ.
“ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ
И ГУННАРЕ ПОПОЛАМ”*

В то время в Исландии было немало знатных людей, которые состояли в родстве с конунгом Олавом сыном Трюгви¹. Одним из них, как уже говорилось², был Глум Убийца, сын Эйольва Кучи и Астрид дочери Вигфуса херсира. Сестру Глума Убийцы звали Хельга. Она была замужем за Стейнгримом из Мачтового Залива. Их сыном был Торвальд по прозвищу Тасальди³.

У Глума Убийцы воспитывался человек по имени Эгмунд. Он был сыном Храфна. Этот Храфн был тогда богат и жил на севере в Нагорном Фьорде. А прежде он был рабом Глума и его матери Астрид, но Глум дал ему свободу, и Храфн стал его вольноотпущенником. Мать Эгмунда происходила из рода людей из Гуддала⁴, и ее имя не называется. Она была в родстве с Глумом Убийцей. Эгмунд был человек красивый, статный и многообещающий. Он пользовался большим расположением Глума, своего родича. К тому времени, когда Эгмунд вырос, Глум был уже в летах и жил на Поперечном Склоне в Воловьей Долине⁵, а Вигфус, сын Глума, находился тогда у Хакона ярла⁶ в Норвегии.

Как-то раз весной Эгмунд сказал Глуму, что желает уехать из страны.

– Я хочу, – говорит он, – купить корабль у Гусиной Отмели. Я собираюсь приобрести его на отцовские деньги, так что средств на эту покупку у меня хватает, однако я рассчитываю, что ты поможешь мне и замолвишь за меня словечко.

Глум отвечает:

– Многие из тех, на кого возлагают не больше надежд, чем на тебя, отправляются в плавание. По мне, так главное, чтобы в этой поездке ты скорее стремился снискать себе славу и уважение, чем большие барыши, разумеется, если придется выбирать одно из двух.

Глум купил ему у норвежцев корабль, и Эгмунд снарядился в путь, взяв с собой множество товаров, которыми его снабдил отец. Эгмунду предстояло верховодить на корабле. Большинство его спутников были исландцы, никогда прежде не покидавшие страну. Они вышли в море в конце лета при сильном попутном ветре. Погода им благоприятствовала.

* Перевод с древнеисландского и комментарии Е.А. Гуревич. Перевод выполнен по изд.: Íslendinga sögur o þættir / Ed. Bragi Halldórsson et al. (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987. III. Bls. 2335–2344.

Они завидели землю на исходе дня. Ветер дул в сторону берега. Сидевшие у руля норвежцы сказали, что всего безопаснее убрать парус на ночь, предоставить кораблю дрейфовать, и причалить, когда станет совсем светло.

Эгмунд отвечает:

– Нам не следует упускать такой хороший ветер – как знать, будет ли он дуть завтра. Да и ночь нынче выдалась лунная.

Они послушались его и продолжили плавание. А когда они приблизились к берегу, путь им преградило множество связанных между собой боевых кораблей, которые стояли в проливе между двумя островами. Однако они заметили эти корабли не раньше, чем потопили один из них и вошли в гавань. Некоторые на торговом корабле стали поговаривать, что они поступили неосмотрительно, но Эгмунд отвечал, что нечего им лезть не в свое дело. Кораблями же теми командовал Хакон ярл, а потопленное судно принадлежало человеку по имени Халльвард. Это был могущественный муж и большой друг ярла. Все имущество с этого корабля погибло, но людям удалось спастись.

Как только наступило утро, ярлу сообщили о нанесенном им оскорблении и ущербе. Он был сильно разгневан этой новостью и сказал:

– Должно быть, это дело рук каких-нибудь ротозеев, никогда прежде не посещавших чужие страны. Дозволяю тебе, Халльвард, поквитаться с ними и отомстить за свою обиду. Уверен, что ты без труда с ними справишься. У тебя достанет отваги и доблести воздать им по заслугам, кто бы они ни были.

Тут Вигфус, сын Глума Убийцы, говорит:

– Государь, если эти люди предложат вам рассудить их, вы могли бы примириться с ними и сохранить им жизнь. Я сейчас же отправляюсь разузнать, кто они такие, и если только возможно, попытаюсь покончить дело миром.

Ярл отвечает:

– Поступай, как знаешь. Но, думаю, они сочтут, что мой тесак тешет слишком гладко: придется им раскошелиться за то, что они учинили!

Вигфус пошел на торговый корабль и узнал Эгмунда, своего родича. Он тепло приветствовал его и спросил о своем отце и о том, какие еще новости тот привез из Исландии. Эгмунд охотно отвечал на все его расспросы. Потом Вигфус сказал:

– Вам грозят большие неприятности из-за вашей оплошности.

Затем Вигфус рассказал им, что произошло, а также о том, как трудно было склонить Хакона ярла к примирению.

– Мне поручено, родич, предложить тебе отдаться на суд ярла. Я берусь представлять твою сторону в этом деле, и постараюсь до-

биться всего, что в моих силах, и тогда, как бы нелегко нам ни пришлось, надо надеяться, все устроится.

Эгмунд отвечает:

– Все, что мне доводилось слышать об этом ярле, не слишком-то обнадеживает, и всего меньше, когда он расточает угрозы, так как он, пожалуй, не преминет их исполнить. Однако я буду не прочь заплатить возмещение, если он сбавит тон.

Вигфус сказал:

– Тебе придется все хорошенько взвесить, ведь ты имеешь дело с человеком, от гнева которого тебе не укрыться, если ты откажешься подчиниться его приговору.

Вигфус отправляется на корабль ярла и говорит ему, что эти люди – его побратимы, а некоторые из них приходятся ему родичами, и что –

– Они хотели бы, чтобы вы вынесли решение по их делу.

Тут один из людей ярла говорит:

– Ты сказал неправду своему государю, Вигфус. Пока что мы не слышали от них никакого дельного предложения.

Халльвард сказал:

– Думаю, для меня лучший выход – самому отомстить за себя. И никому не стоит совать нос в это дело.

Ярл согласился с ним.

Вигфус сказал:

– Я сделаю все от меня зависящее и убью того, кто станет причиной смерти моего родича Эгмунда.

Халльвард сказал:

– Хотя вы, исландцы, и большие смельчаки, в этой стране привыкли ожидать, что уважающие себя люди не станут сидеть сложа руки и сносить оскорбления, будь то от вас, родичей Глума Убийцы, или от кого другого.

Затем Халльвард садится в лодку и отправляется на торговый корабль, а Хакон ярл велит тем временем не спускать глаз с Вигфуса. Халльвард прибывает на торговый корабль и спрашивает, кто там главный. Эгмунд называет свое имя. Халльвард говорит:

– Я и мои товарищи считаем, что вы нанесли нам большой ущерб. Мы здесь для того, чтобы выяснить, намерены ли вы предложить нам достойное возмещение.

Эгмунд отвечает:

– Мы не отказываемся заплатить, если только вы не вздумаете запросить с нас слишком много.

Халльвард сказал:

– Те, кого это касается, не удовлетворятся безделицей за такое бесчестье.

Эгмунд сказал:

– Мы и вовсе не станем ничего платить, если с нами будут обходиться высокомерно.

– Я не собираюсь, – говорит Халльвард, – клянчить у вас то, что вам пристало предлагать самим!

Тут он прыгнул на борт и с такой силой хватил Эгмунда обухом секиры, что тот упал замертво. После этого Халльвард возвращается к ярлу и рассказывает ему о том, что произошло, а ярл говорит, что он обошелся с ними куда мягче, чем они того заслуживали.

Халльвард отвечает:

– Вся вина лежит на их предводителе, однако я счел, что для первого раза с него хватит и того, чтобы я вздул его до потери памяти. Бесчестье – заслуженная расплата за оскорбление. А ежели понадобится, ничто не помешает мне продолжить мстить и впредь.

Когда Вигфус узнал о случившемся, он пришел в такую ярость, что пожелал напасть на Халльварда или убить его, как только тот ему подвернется, но ярл повелел следить за ним, чтобы ему не представилось такого случая.

Эгмунд очнулся, однако он получил такое тяжелое увечье, что и после наступления зимы был вынужден долго лежать, не вставая. Но со временем он поправился, и тогда ему пришлось сносить немало насмешек из-за того, что с ним стряслось. Где бы он ни появлялся, его называли Эгмундом Битым, он же делал вид, что знать не знает о своем прозвище. Вигфус часто навещался к нему и уговаривал его отомстить.

– Я помогу тебе, – говорил он, – восстановить твою честь.

Эгмунд отвечает:

– Не стоит ворошить это дело, родич. Сдается мне, что теперь мы с Халльвардом квиты. Ведь трудно было бы ожидать, что мне сойдет с рук упрямство, с каким мы себя поначалу повели. Да и неблагоразумно мстить, когда Халльвард в большой дружбе с Законом ярлом, а ты здесь находишься в его власти. Негоже мне подвергать тебя риску быть покалеченным или убитым по моей вине. Разве этим должен я отплатить Глуму, твоему отцу?

Вигфус отвечает:

– Ты не дожدهшься благодарности ни от меня, ни от моего отца, если станешь утверждать, будто действуешь в моих интересах, идя против моей воли. Я-то думаю, что тобой скорее движет трусость, чем осторожность, и куда как плохо поддерживать человека, у которого в груди заячье сердце. Похоже, ты пошел в своих родичей-рабов, а не в людей с Поперечной Реки?

На этом они расстались, и Вигфус был вне себя от гнева.

Миновали зима и весна. Летом Эгмунд снаряжился и отплыл в Исландию. Это путешествие принесло ему большие барыши. Он привел свой корабль в Островной Фьорд.

Глум вскоре узнал о прибытии корабля, и ему было тотчас же доложено о том, как Эгмунд обесславил себя в этой поездке. А после того, как Эгмунд отдал все распоряжения о своем корабле и имуществе, он отправился напрямик на Поперечный Склон к Глуму и оставался там некоторое время. Глум был с ним немногословен, и было заметно, что он совсем не рад его приезду. Эгмунд же пребывал в прекрасном расположении духа и очень важничал после своего возвращения. Он посещал все сходки в округе и охотно принимал участие в делах других людей, и какие бы споры там ни возникали, казалось, никому не удавалось скорее отыскать пути для их разрешения, чем Эгмунду. Он также с готовностью взвалил на себя заботы о припасах и прочих хозяйственных нуждах Глума и проявил себя в этом с наилучшей стороны, однако Глум по-прежнему не желал с ним разговаривать.

Как-то раз Глум сказал ему:

– Ты должен знать, Эгмунд, что я не испытываю благодарности за твои труды. И меня удивляет, что ты с таким рвением встречаешь в чужие дела, когда тебе самому впору занимать храбрости. Первая же твоя поездка окончилась так бесславно, что я предпочел бы никогда больше тебя не видеть. Ты покрыл себя позором и стал укором для всех своих родичей, и отныне навсегда будешь прозван трусом за то, что не отважился отомстить за себя.

Эгмунд отвечает:

– Тебе бы следовало, родич, принять во внимание, что заставило меня отказаться от мести. Я решил, что это может повредить Вигфусу, моему сыну.

– Нечего тебе было заботиться о нем против его воли, – говорит Глум. – По мне, так лучше бы вы оба были мертвы, зато ты проявил бы храбрость и отомстил. А теперь остается одно из двух: либо у тебя куда больше выдержки и терпения, чем у других людей, и ты, хоть и с запозданием, но все же покажешь себя настоящим мужем и в другой раз не струишь, либо ты и впрямь ни на что не годен и все худшее в тебе возьмет верх, потому что часто недостает отваги тем, кто ведет свой род от рабов, и я не желаю, чтобы ты у меня долее оставался.

После этого Эгмунд уехал к своему отцу.

Эгмунд провел две зимы в Исландии, а летом снарядил свой корабль, нанял команду и отправился в Норвегию. Он прибыл на север в Трандхейм и поплыл вдоль фьорда. Вечером он встал неподалеку от Нидархольма⁸.

Тогда Эгмунд сказал:

– Спускайте лодку. Я хочу зайти в реку и разведать, что нового происходит в стране.

Эгмунд надел двцветный плащ, отделанный вдоль швов золотой тесьмой, это было большое сокровище. Он пересел в лодку, за-

хватив с собой двоих гребцов. Было раннее утро, когда они направились к причалам. В это время сверху из города спускался какой-то человек. На нем была красная расшитая накидка с капюшоном. Человек в накидке сошел на пристань и спросил, кому принадлежит лодка. Эгмунд назвал свое имя. Горожанин сказал:

– Так ты Эгмунд Битый?

– Некоторые меня так называют, – отвечает Эгмунд. – А тебя как зовут?

Тот говорит:

– Меня зовут Гуннар Пополам. Это прозвище я получил оттого, что мне нравится ходить в двуцветной одежде.

Эгмунд сказал:

– Что нового здесь в стране?

Гуннар отвечает:

– Главная новость тут – что Хакон ярл умер и на престол взошел превосходный конунг, Олав сын Трюгтви.

Эгмунд спросил:

– Не знаешь ли ты, где сейчас может находиться человек по имени Халльвард, родовитый и богатый муж из Трандхейма?

Гуннар отвечает:

– Не удивительно, что ты о нем спрашиваешь. Его теперь зовут Халльвард Шея. Это потому, что в прошлом году он участвовал вместе с Хаконом ярлом в битве с йомсвикингами⁹ и получил там большую рану в шею прямо под ухом, и с тех пор ходит, скривив голову набок. Он теперь в городе с Олавом конунгом, и тот очень его ценит. Какой на тебе ладный плащ, Эгмунд, двуцветный и выкрашен отменно! Не продашь мне его?

– Продать – не продам, – говорит Эгмунд, – но раз уж он тебе так приглянулся, готов отдать задаром.

– Так отдай, и пусть тебе во всем сопутствует удача! – сказал Гуннар. – Я хочу отблагодарить тебя за твой подарок. Для начала прими от меня эту накидку, как знать, может, она тебе пригодится.

Затем Гуннар возвращается в город в плаще, а Эгмунд надевает накидку.

Он сказал своим людям:

– Привяжите лодку кормой к причалам, чтобы ее не сносило течением, пока я сойду на берег. А вы тем временем оставайтесь на своих местах и держите весла наготове.

После этого Эгмунд направился наверх в город. По дороге ему не встретилось ни души. А когда он проходил мимо постоянного двора, то увидел, что двери распахнуты и какие-то люди стоят внутри и умывают руки. Один из них был выше ростом и выглядел внушительнее других. Он держал голову склоненной набок, и по рассказу Гуннара Эгмунд догадался, что это Халльвард. Эгмунд

подошел к дверям, и все, кто там находились, признали в нем Гуннара Пополам. Понизив голос, он позвал Халльварда выйти к нему ненадолго:

– У меня к тебе важное и неотложное дело, – сказал он.

Затем Эгмунд отошел от дверей и обнажил меч. Гуннар Пополам был всем хорошо знаком, поэтому Халльвард вышел из дому один, и не успел он приблизиться к Эгмунду, как тот нанес ему смертельный удар. После этого Эгмунд побежал вниз к лодке. Он сбросил с себя накидку и, вложив в капюшон камень, забросил ее в реку, так что она пошла ко дну. Эгмунд прыгнул в лодку и приказал грести прочь из реки. А когда они прибыли на торговый корабль, он сказал своим людям:

– Здесь в стране большое немирье. Ветер как раз дует из фьорда, поставим парус и воротимся в Исландию.

Они стали говорить, что уж больно он пуглив, раз не решается высадиться на берег из-за каких-то там усобиц, которые ведут между собой местные жители, однако поступили, как он велел. Они вернулись в Исландию и пристали в Островном Фьорде. Эгмунд поехал к Глуму Убийце и поведал ему о своей поездке. Он сказал, что месть свершилась, хотя и с большим опозданием. Глум принял это известие с одобрением и сказал, что у него было предчувствие, что тот в конце концов все же окажется стоящим человеком. Эгмунд остался у Глума на зиму, и его там хорошо принимали.

А теперь нужно рассказать о том, что, когда людям Халльварда показалось, что он долго не возвращается, они вышли наружу и нашли его лежащим мертвым в луже крови. Об этой новости было доложено Олаву конунгу, а также о том, что, по общему мнению, убийцей Халльварда был Гуннар Пополам. Конунг сказал:

– Никогда бы не подумал, что он на такое способен. Но как бы то ни было, его следует как можно скорее разыскать и повесить, если это его рук дело.

У Гуннара был брат по имени Сигурд. Он был человек богатый и дружинник Олава конунга; тот очень его любил. Сигурд тогда находился в городе. Как только он узнает, что его брата собираются казнить, он бросается искать его и находит. Сигурд спрашивает, правда ли, что он совершил то, в чем его обвиняют. Гуннар отвечает, что не имеет к этому никакого отношения.

Сигурд сказал:

– Однако люди считают, что это так, а потому Расскажи мне, что тебе известно об этом происшествии.

Гуннар отвечает:

– Сейчас я не стану ничего говорить ни тебе, ни другим.

Сигурд сказал:

– Раз так, тебе необходимо скрыться.

Гуннар так и сделал, он спрятался в лесу, и его не нашли. Затем он отправился на восток, перевалил через горы и прошел Ушплэнд¹⁰, скрываясь на протяжении всего своего странствия и нигде не задерживаясь, пока не добрался до Швеции.

В то время там совершались великие жертвоприношения¹¹, и издавна повелось, что наиболее почитаем был Фрейр¹². Этот идол Фрейра обладал столь могучими чарами, что дьявол говорил с людьми из его уст, и Фрейру в услужение была отдана молодая и красивая женщина. Тамошние жители верили, что Фрейр был живой, и так в какой-то мере и было, и думали, что он, вероятно, нуждается в наложнице. Вместе с Фрейром ей полагалось распоряжаться капищем и ведать всем, что находилось в его владении.

Гуннар Пополам добрался наконец до тех мест и обратился к жене Фрейра за помощью, прося ее предоставить ему кров. Она оглядела его и спросила, кто он таков. Он назвал себя бродягой и человеком незначительным и сказал, что он чужестранец. Она отвечает:

– Непохоже, чтобы тебе во всем сопутствовала удача, потому что Фрейр смотрит на тебя недружелюбно. Для начала можешь остаться здесь на три ночи, а там поглядим, как Фрейр отнесется к тебе.

Гуннар сказал:

– Что до меня, я предпочитаю твою защиту и расположение благосклонности Фрейра.

Гуннар был большой весельчак и отличный рассказчик. По прошествии трех ночей он спрашивает жену Фрейра, как обстоит дело с его дальнейшим пребыванием.

– Сама не знаю, – говорит она. – Ты человек неимущий, но тем не менее, похоже, хорошего рода, а потому мне следовало бы помочь тебе. Однако Фрейр не очень-то тебя жалует, и я боюсь, как бы он не разгневался. Поживи здесь полмесяца, и тогда будет видно, что из этого выйдет.

Гуннар сказал:

– Пока все складывается так, как мне и хотелось: Фрейр меня ненавидит, зато ты готова мне помогать, а я и сам не желаю иметь ничего общего с Фрейром, потому что, по мне, он – настоящий дьявол.

Чем дальше Гуннар там оставался, тем бóльшей любовью он пользовался у всех, благодаря тому, что знал толк в развлечениях, да и прочим своим достоинствам. Он опять приходит побеседовать с женой Фрейра и спрашивает у нее, на что он может рассчитывать.

Она ответила:

– Люди хорошо к тебе относятся, и сдастся мне, будет правильно, если ты останешься здесь на зиму и будешь сопровождать нас с Фрейром в поездке по пирам, когда он отправится по стране улучшать урожай. Однако он к тебе не благоволит.

Гуннар поблагодарил ее.

И вот пришла пора отправляться в дорогу. Фрейр с женой должны были ехать в повозке, а сопровождавшие их слуги идти впереди. Им предстоял долгий переход по горным тропам. Тут поднялась сильная вьюга, и стало трудно идти, однако Гуннару было велено не отходить от повозки и вести лошадь. А спустя некоторое время вышло так, что все их люди разбрелись кто куда, и Гуннар остался один при повозке, в которой сидели Фрейр и его жена. Гуннар совсем выбился из сил, продвигаясь вперед и ведя за собою лошадь, и в конце концов махнул на это рукой и забрался в повозку, предоставив лошади самой находить дорогу. Немного погодя женщина сказала Гуннару:

– Соберись с силами и опять веди лошадь, не то Фрейр нападет на тебя.

Он так и делает. Прошло еще немного времени, и когда он снова почувствовал сильную усталость, он сказал:

– На этот раз я готов рискнуть и вступить в поединок с Фрейром, если он вздумает напасть на меня.

Тут Фрейр вылезает из повозки, и они начинают бороться, однако Гуннар явно уступает Фрейру в силе. Видит он, что коли так будет продолжаться, ему не устоять. И вот он думает про себя, что ежели ему посчастливится одолеть этого дьявола и воротиться назад в Норвегию, он тогда сызнова обратится в истинную веру и помиритесь с Олавом конунгом, если тот согласится принять его. И стояло ему только подумать об этом, как Фрейр зашатался и сразу же вслед за тем повалился перед ним. Тут из истукана выскочил демон, который в нем прятался, и от него всего-то и осталось, что пустое дуло. Он разбивает его в щепы и возвращается к повозке.

Затем он предлагает женщине выбрать одно из двух: либо он покинёт ее и пойдет своим путем, либо, когда они доберутся до обитаемых мест, ей придется сказать, будто он Фрейр. Она отвечает, что охотнее предпочла бы второе. После этого Гуннар переодевается в облачение деревянного истукана. Тут стало проясняться.

Спустя некоторое время они являются на пир, который был для них приготовлен¹³. Там уже находились многие из тех, кто должен был их сопровождать. Все сочли важным знаком, что Фрейр показал свое могущество, сумев добраться вместе со своей женой до человеческого жилья в такую непогоду, хотя все его слуги разбежались. А еще они дивились тому, что он мог теперь ходить наравне со всеми и ел и пил, как другие люди.

Они разъезжали по пирам всю зиму. Фрейр был всегда немногословен со всеми, кроме своей жены. Оказалось, что он больше не хочет, чтобы перед ним убивали живых существ, как прежде, и не желает принимать жертвы или какие-нибудь иные приношения, кроме

золота и серебра, драгоценной одежды и других сокровищ. А со временем люди стали замечать, что жена Фрейра носит дитя. Это извество было встречено большим ликованием, и шведы не могли нарадоваться на Фрейра, свое божество. Погода также стояла благоприятная, и все сулило такой добрый урожай, какого никто не мог припомнить. Слухи о могуществе языческого бога шведов разнеслись широко по свету, дошли они и до Олава конунга сына Трюгтви, и он задумался, что бы они могли означать. Как-то раз весной Олав конунг призывает к себе Сигурда, брата Гуннара Пополам, побеседовать и спрашивает, известно ли ему что-нибудь о Гуннаре, его брате. Сигурд отвечает, что не имеет от него никаких вестей.

Конунг сказал:

– Сдается мне, что этот языческий бог шведов, которого они именуют Фрейром и о котором нынче ходит столько рассказов, на самом деле не кто иной, как твой брат Гуннар. Ничто так не прельщает языческих богов, как жертвоприношения живых людей¹⁴. Я хочу послать тебя за ним на восток, ибо прискорбно знать, что христианская душа пропадает столь жалким образом. Но если он явится ко мне добровольно, я обещаю впредь не гневаться на него, поскольку мне стало известно, что Халльварда убил не Гуннар, а Эгмунд Битый.

Сигурд немедленно отправляется в дорогу и странствует, пока не находит этого Фрейра и не узнает в нем Гуннара, своего брата. Он передает ему слова и поручение Олава конунга. Гуннар говорит в ответ:

– Я бы охотно поехал и примирился с Олавом конунгом. Однако если шведы прознают обо всем, они захотят убить меня.

Сигурд сказал:

– Попытаемся убраться отсюда тайком и будем уповать на то, что удача и добрая воля Олава конунга вместе с милосердием Божьим возымеют большую силу, чем злая воля и преследование шведов, как наверняка и случится.

И вот Гуннар начинает готовиться к путешествию вместе со своей женой. Они захватили с собой столько движимого имущества, сколько были в состоянии унести на себе, и ночью тайно отправились в путь. А когда шведы это узнали, они догадались обо всем, что произошло, и тотчас же послали за ними погоню. Однако стоило преследователям отойти совсем недалеко, как они заблудились, и так и не достигли их; с тем шведы и воротились назад. Сигурд же и его спутники нигде не останавливались, пока не явились к Олаву конунгу. Тот примирился с Гуннаром и велел крестить его жену. И с тех пор оба они придерживались истинной веры.

“Пряди” – короткие рассказы, по преимуществу повествующие об исландцах, которые было принято вплетать в жизнеописания правителей Норвегии. “Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам” (*Ögmundar þáttur dyttis ok Gunnars helmings*) известна из сочиненной в начале XIV в. “Большой саги об Олаве Трюгвасоне” (изд.: *Ólafs saga Truggvasonar en mesta / Udg. Ólafur Halldórsson. København, 1961. Vol. 2. S. 1–18*), которая была впоследствии включена с дополнениями в одно из наиболее значительных собраний саг о норвежских королях – “Книгу с Плоского Острова” (*Flateyjarbók*), составленную в Исландии в последней четверти XIV в. (изд.: *Flateyjarbók. En samling af norske kongesagaer med indskudte mindre fortællinger. Christiania, 1860–1868. Bd. I. S. 332–339*).

Начало истории об Эгмунде Битом содержится также в одной из средневековых рукописей “Саги о Глуме Убийце” (*Vatnshyma*, конец XIV в.), где эта сага сохранилась лишь фрагментарно. Поскольку рассказ отсутствует в основной и единственной полной рукописи саги (*Möðruvallabók*, XIV в.), предполагается, что он был опущен средневековым редактором как не имеющий прямого отношения к истории Глума, в которой Эгмунд ни разу не упоминается. См.: *Víga-Glúms saga / Ed. G. Turville-Petre. Oxford, 1960. P. XXXI*). Действие во фрагменте доводится всего лишь до инцидента с Хальвардом, поэтому на его основании невозможно судить о том, как эта редакция пряди соотносится с ее версией, вплетенной в королевскую сагу.

¹ Норвежский король (995–1000).

² Прежде чем появиться в пряди, Глум дважды упоминался в “Большой саге об Олаве Трюгвасоне”, в которую вставлен рассказ об Эгмунде (см.: *Flateyjarbók. Bd. I. Bls. 65; 287*). Первое упоминание связано с сообщением о женитьбе будущего отца конунга Олава, Трюгви Олавссона, на Астрид, племяннице деда Глума, Вигфуса херсира (херсир – мелкий племенной вождь в Норвегии в период, предшествовавший объединению страны, т.е. до X в.); во второй раз мы находим его имя в родословной конунга.

³ Торвальд Тасальди (“Неряха”?) – один из персонажей “Саги о Глуме Убийце”, принимающий деятельное участие в описываемых в ней конфликтах на стороне своего родича Глума. Здесь он, судя по всему, упомянут лишь потому, что о нем также имеется прядь (*Þorvalds þáttur tasalda*), как и история Эгмунда, сохранившаяся в составе “Большой саги об Олаве Трюгвасоне”. Это – одна из “прядей о крещении”, герой которой успешно выполняет опасное поручение, возложенное на него конунгом-миссионером и в конце концов добивается обращения в христианство человека, упорно противившегося переходу в новую веру.

⁴ Род исландских первопоселенцев, получивший название по местности, расположенной в Нагорном Фьорде. О родстве безымянной матери Эгмунда с Глумом Убийцей в других источниках не упоминается; предполагается, что родословная героя пряди – изобретение ее автора.

⁵ Согласно саге (гл. 26), Глум был изгнан из своей усадьбы на Поперечной Реке в Островном Фьорде на севере Исландии. Около 989 г. он поселился на границе той же местности на Поперечном Склоне, где и окончил свои дни предположительно в 1003 г.

- 6 Ярл Хакон сын Сигурда, правитель Норвегии (975–995), обычно изображаемый в древнескандинавских источниках как ярый язычник. Как следует из дальнейшего, действие начальных эпизодов рассказа относится к самому концу правления ярла Хакона: когда Эгмунд спустя год вновь приезжает в Норвегию, то узнает, что к власти в стране пришел конунг Олав Трюггвасон. Однако во фрагменте, сохранившемся в составе “Саги о Глуме Убийце”, события пряди передвинуты не менее чем на десятилетия назад, что явным образом затрудняло переход к ее второй части – рассказу о Гуннаре. Неизвестно, каким образом разрешалась эта хронологическая проблема, поскольку повествование во второй редакции пряди обрывается сразу же после возвращения Эгмунда в Исландию.
- 7 Т.е. в род Глума Убийцы (см. примеч. 5).
- 8 Грандхейм – область в Северо-Западной Норвегии (ныне Трэннелаг); *фьорд* – Грандхеймсфьорд, на побережье которого в устье реки Нид расположен Нидарос (современный Тронхейм); Нидархольм – остров, лежащий во фьорде севернее города, тогда как пристани, к которым затем направлялся Эгмунд, пересев в лодку, находились в нижнем течении реки.
- 9 Многократно воспетое скальдами грандиозное морское сражение в Хьёрунгаваге, в котором ярл Хакон и его сыновья одержали победу над вторгшимися в Норвегию воинственными викингами из Йомсборга (не найденной, вероятно, легендарной викингской крепости, расположенной на побережье Балтийского моря в устье Одера). Тогда как исландские королевские саги и, в частности, “Круг Земной” (“Сага об Олаве сыне Трюггви”, гл. 35–42), “Сага о йомсвикингах”, а также настоящий рассказ датируют это сражение 994 г., Саксон Грамматик относит его к более раннему времени – к правлению датского конунга Харальда Синезубого (ум. 986 г.).
- 10 Упплэнд – область в Восточной Норвегии.
- 11 Христианизация Швеции, начавшись почти одновременно с христианизацией Норвегии, в правление короля Олава Скётконунга (ок. 995–1020), завершилась лишь в конце 80-х годов XI в. Вплоть до этого времени в центральных (свейских) областях страны продолжал играть важную роль Уппсальский храм, описанный ок. 1075 г. Адамом Бременским, где совершались языческие жертвоприношения (см. об этом подробнее в статье). О роли культа Фрейра в Швеции, и в особенности в Свеаланде, свидетельствуют многочисленные топонимы с первым элементом Frey-.
- 12 Фрейр – букв. “господин”, в скандинавской мифологии бог плодородия. См. подробнее в статье.
- 13 Культурная поездка бога плодородия, объезжающего Швецию для “улучшения урожая” (см. статью), описывается в пряди в тех же выражениях, что и традиционные для правителей Норвегии ежегодные поездки по пирам, так называемым “вейцлам” (veizla), угощениям, устраивать которые для государя и его дружины в целях их прокормления входило в обязанности свободных хозяев – бондов. Та же система “угощений” (gærd) существовала и в Швеции.
- 14 Узнав, что в Швеции прекратились человеческие жертвоприношения, конунг Олав умозаключил, что под личиной Фрейра скрывается Гуннар. О человеческих жертвоприношениях в священной роще свеонов (свеев), совершаемых в Уппсале каждые девять лет, известно из сообщения Адама Бременского (см. подробнее ниже в статье).

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ “ПРЯДИ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ И ГУННАРЕ ПОПОЛАМ”

Едва ли требуется убеждать читателя, что перед ним один из замечательных образцов древнеисландской малой прозы: о нарративных достоинствах “Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам” мы можем судить уже по тому, с каким искусством ее анонимный автор сумел слить воедино две, по всей видимости, первоначально самостоятельные и не только никак не связанные между собой, но и столь различные истории. И в самом деле: казалось бы, что может быть общего между рассказом о безвестном исландце, вступившем в Норвегии в конфликт с сильными мира сего и в конце концов отомстившем своему знатному обидчику, и повествованием о злоключениях норвежца-христианина в языческой Швеции? К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем, здесь же заметим лишь, что широкую известность “пряди” принесло отнюдь не недюжинное мастерство средневекового рассказчика (до сравнительно недавнего времени¹ “Прядь об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам” вообще не привлекала к себе внимания как произведение словесности), но исключительно описанное во второй ее части беспрецедентное приключение героя, которому довелось повстречаться с самым почитаемым у шведов божеством, Фрейром, а затем и самому занять его место.

Со времен Якоба Гримма едва ли найдется исследование скандинавской мифологии и шире – древнегерманских верований, которое обошлось бы без изложения или, по крайней мере, упоминания рассказа о Гуннаре. При этом интерес историков религии, в первую очередь, вызывается вовсе не тем, что делало этот рассказ привлекательным в глазах средневековой (да и современной) аудитории, – не описанной в нем “одушевленностью” деревянного идола и не дерзким обманом предприимчивого героя. Главной ценностью истории Гуннара считаются содержащиеся в ней сведения о языческом культе, часть которых помимо нее не была обнаружена ни в одном другом скандинавском нарративном источнике, но, как оказывается, прямо перекликается с информацией, известной из оставленного более чем тысячелетием ранее сообщения Тацита о религиозных представлениях и обрядах, распространенных у ингевонской группы германских племен.

Рассказывая о свеах, племенном союзе, в состав которого входило немало различных народностей, в том числе и англы, римский историк подробно останавливается на их верованиях. По его словам, все они “поклоняются Нерте, т.е. Матери-Земле, и думают, что она вмешивается в дела людей и объезжает народы. На одном из островов Океана (как полагают, в Дании. – Е.Г.) есть девственная роща, а

в ней посвященная богине колесница, накрытая покрывалом. Доступ к ней разрешается одному только жрецу. Он знает, когда богиня находится внутри [колесницы], и с великим благоговением следует за ней, влекомой телками. Тогда наступают радостные дни, праздничный вид приобретают те места, которые она удостоит своим прибытием и где гостит. Никто [тогда] не затевает войн, не берется за оружие; все железо спрятано; лишь тогда познают они мир и спокойствие, только тогда любят их, пока тот же жрец не возвратит в священную рощу богиню, пресытившуюся общением со смертными. Тотчас же после этого в скрытом от нескромных глаз озере обмываются и колесница, и покровы, и, если угодно верить, само божество. Все это делают рабы, которых немедленно вслед за тем поглощает то же самое озеро. Отсюда тайный ужас и благочестивое неведение по отношению к тому, что видеть могут только те, кто должен умереть” (“Германия”, гл. 40)². Описанная Тацитом богиня Нерта не упоминается ни в одном ныне известном древнегерманском тексте, однако, как давно было установлено, Nerthus – это точный женский эквивалент имени Ньёрд (Njördr), скандинавского божества из рода ванов, богов плодородия, от которого родились Фрейр и Фрейя, брат и сестра, состоявшие в кровосмесительной связи, вследствие чего считается весьма вероятным, что и Ньёрд и Нертус представляли собой такую же ритуальную пару³. Между тем в процитированном рассказе партнером Нертус оказывается сопровождающий ее жрец, единственный, кому разрешен доступ к богине. Налицо, таким образом, знаменательная параллель с историей о Гуннаре, где при Фрейре находилась молодая женщина, которая считалась его женой и вместе с ним распоряжалась всеми его богатствами и через которую осуществлялись все контакты между языческим богом и его поклонниками. Эта аналогия наводит на мысль, что в обоих рассказах, по видимому, может идти речь о культовом браке, заключаемом в одном случае между женским, а в другом – мужским божеством и соответственно приданным каждому из них партнером противоположного пола⁴. Хотя в пряди такое слово не употребляется, жена Фрейра – это, судя по всему, (hof)gudja, “(храмовая) жрица”. Притом, что последние иногда упоминаются в повествованиях, местом действия которых служила не континентальная Скандинавия, но Исландия, рассказ о Гуннаре – единственный текст, проливающий хоть какой-то свет на роль жрицы в древнегерманском культе⁵. Большинство же подобных упоминаний – не более чем “говорящие” имена. Так, можно быть почти уверенными в связи по крайней мере одной из носящих соответствующее прозвище женщин, Турид Жрицы Храма (Puridr hofgudja), именно с культом Фрейра, поскольку ее брата, Торда, прозывали Годи Фрейра (Freysgodi; godi, от god, ср.п., мн.ч. “языческие боги”, – жрец, одновременно выполнявший функции предво-

Илл. 1. Миниатюрная бронзовая статуэтка Фрейра (Рэллинге, Швеция)

дителя местного населения)⁶. Более развернутое сообщение содержится только в “Саге о людях из Оружейного Фьорда” (гл. 5), где в качестве эпизодического персонажа появляется “храмовая жрица” Стейнвёр, названная хранительницей главного капища, куда все окрестные жители обязаны были уплачивать “храмовую подать” (hof toll), языческий аналог церковной десятины.

В рассказе о Гуннаре ничего не сказано ни о местоположении храма, в котором содержались идол Фрейра и его жена, ни о его убранстве. Надо заметить, что пряди вообще скупы на описания и им в еще большей мере, чем сагам, свойственно не уделять внимания избыточным для сюжета, непосредственно не “работающим” на него деталям. Недостигающие подробности языческого культа шведов – “свеонов” сообщает немецкий хронист Адам Бременский в “Деяниях архиепископов Гамбургской церкви”

(ок. 1075 г.). По его словам, у этого племени имеется “знаменитое святилище, которое называется Уппсала [и] расположено недалеко от города Сигтуны. В этом святилище, которое все украшено золотом, народ поклоняется статуям трех богов. Самый могущественный из них – Тор – восседает на престоле в середине триклиния”, а по бокам от него сидят Водан (= Один) и Фриккон (= Фрейр). Каждый из этих богов имеет свои полномочия: “Тор, – говорят свеоны, – царит в эфире, он управляет громами и молниями, ветрами и дождями, ясной погодой и урожаями. Вторым, Водан, что означает “ярость”, ведет войны и дает человеку смелость перед лицом врагов. Третий – это Фриккон, дарующий смертным мир и наслаждения. Его идол они снабжают огромным фаллосом. Водана же представляют вооруженным, как у нас обычно Марса. А Тор скипетром подражает Юпитеру...” (кн. IV, гл. 26)⁷. Предполагается, что найденный в Рэллинге (юго-восточная Швеция) амулет – миниатюрная бронзо-

вая фигурка фаллического божества, возможно, является уменьшенной копией идола Фрейра из Уппсальского храма. Что же касается установленной в этом сообщении иерархии, согласно которой заглавное место в "троице" почитаемых свеонами богов отведено вовсе не Фрейру, а Тору, то на сей счет не раз высказывались сомнения в осведомленности ученого немца, опиравшегося на сведения, полученные от неких информантов-христиан⁸. И данные топонимики, и разнообразные скандинавские письменные свидетельства, к числу которых принадлежит и наша прядь, однозначно указывают на безусловное предпочтение, оказываемое Фрейру, очевидно, не случайно называемому "богом шведов"⁹, что, разумеется, не исключало поклонения и другим богам.

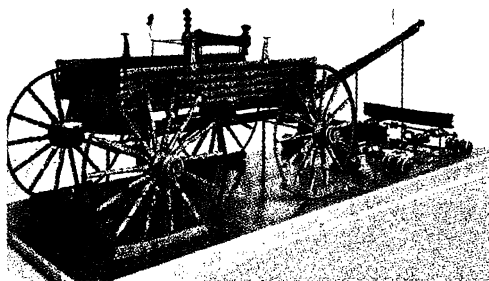
В рассказе о Гуннаре "великие жертвоприношения", совершавшиеся в дохристианской Швеции, упомянуты лишь вскользь. Адам Бременский, напротив, с обстоятельностью этнографа, не скупясь на подробности, описывает известные ему проявления языческого культа свеонов: "Ко всем их богам приставлены жрецы, которые приносят жертвы [от имени] народа. Если грозит мор и голод, они умилоствивляют идол Тора, если война – Водана, если предстоит справлять свадьбы – Фриккона. Кроме того, каждые девять лет в Уппсале устраивают всеобщее празднество всех областей Свеонии. От [участия в] этом празднестве не освобождается никто..."¹⁰. Приуроченные к весеннему равноденствию пиры и сопровождающие их жертвоприношения длятся в течение девяти дней. Жертвоприношения происходят следующим образом: "Из всей живности мужского пола приносится девять голов: их кровью принято умилоствивлять богов. Тела же развешиваются в роще, которая находится рядом со святилищем. Ибо эта роща священна для язычников, так что ее деревья считаются божественными – [такowymi их делают] трупные выделения жертв. Вместе с людьми там также висят собаки и лошади. Один христианин рассказывал мне, что видел LXXII тела, висевшие вперемежку. А магические песнопения, которые они обычно исполняют, совершая обряд жертвоприношения, многочисленны и нечестивы, и поэтому будет лучше [о] них умолчать" (гл. 27)¹¹.

Подобно Тациту, Адам Бременский говорит о священной роще, в которой, судя по приносимым там жертвам, по представлениям свеонов, обитают их божества¹². В передаваемых средневековым автором свидетельствах об уппсальском языческом культе можно отметить и еще одну параллель с рассказом римского историка: если последний упоминает об озере, в котором после обряда омовения богини Нертус и ее колесницы находили свою погибель совершавшие его рабы, то первый сообщает об имеющемся по соседству с храмом, рядом с высоким вечнозеленым деревом, жертвенном источнике, куда язычники "ввергали живого человека" и в зависимо-

сти от того, всплывет утопленник или нет, заключали, принята ли их жертва и будет ли исполнено их желание. (Нельзя не вспомнить в этой связи мифологическое мировое древо германцев – ясень Иггдрасиль и находящийся под его корнем священный источник, которому Один пожертвовал свой глаз). Как и Тацит, Адам Бременский пишет о человеческих жертвоприношениях, которые в его время, по видимому, воспринимались уже как нечто исключительное по своей жестокости. Хотя отдельные упоминания о принесении в жертву живых людей касаются и других частей Скандинавии (в “Саге о крещении”, гл. 12, сказано, например, что в 1000 г. непосредственно перед тем, как в Исландии было принято христианство, его противники решили принести в жертву по два человека из каждой четверти страны и просить языческих богов предотвратить смену веры), есть основания полагать, что местная ученая традиция в первую очередь связывала этот обычай с культовой практикой шведов. Можно вспомнить об упоминаемых в “Круге Земном” (“Сага об Инглигах”, гл. 15, 43) ритуальных жертвоприношениях древнешведских правителей “ради урожая”, а датский историк Саксон Грамматик (начало XIII в.) прямо утверждает в “Деяниях датчан” (кн. III)¹³, что Фрейр, поселившись неподалеку от Уппсалы, изменил издревле заведенный обычай, которого веками придерживались многие народы, на “невыразимо отвратительный” способ поклонения высшим силам – умерщвление людей.

Вероятно, именно о человеческих жертвах идет речь и в нашей пряди, когда в ней сообщается, что лже-Фрейр не желал, чтобы перед ним по-прежнему “убивали живых существ”. Употребленное в данном контексте слово *kvikendi* может пониматься двояко – и как обозначение любых одушевленных существ вообще, и как наименование животных, прежде всего скота. Если первое значение в этой связи, скорее, применимо к шведским реалиям, как они виделись их более “цивилизованным” соседям (напомним сказанное конунгом Олавом, когда до него дошел слух о могуществе бога шведов: “ничто так не прельщает языческих богов, как жертвоприношения живых людей”), то второе – к норвежским. В “Саге о Хаконе Добром” (гл. 14) в “Круге Земном” содержится подробное описание жертвенных пиров, устраиваемых правителями Норвегии до восшествия на престол Олава Трюггвасона. Снорри Стурлусон так описывает отошедшую в прошлое языческую практику: “По древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собратся туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей. Вся кровь от жертв называлась жертвенной кровью (*hlaut*), а чаши, в которых она стояла, – жертвенными чашами, а жертвенные

веники были наподобие кропил. Ими окропляли все жертвенники, а также стены капища снаружи и внутри. Жертвенной кровью окропляли также людей. А мясо варили и вкушали на пиру. Посредине пиршественной палаты горели костры, а над ними были котлы. Полные кубки передавались над кострами, и тот, кто давал пир

Ил. 2. Культовая повозка железного века (Дейбьберг, Ютландия)

и был вождем, должен был освящать полные кубки и жертвенные яства. Первым был кубок Одина – его пили за победу и владычество своего конунга, потом шли кубок Ньёрда и кубок Фрейра – их пили за урожайный год и мир... Пили также кубок за своих родичей, которые уже были погребены. Этот кубок называли поминальным¹⁴. Ни в этом, ни в других рассказах королевских саг, действие которых относится к языческим временам, мы не найдем информации о человеческих жертвах.

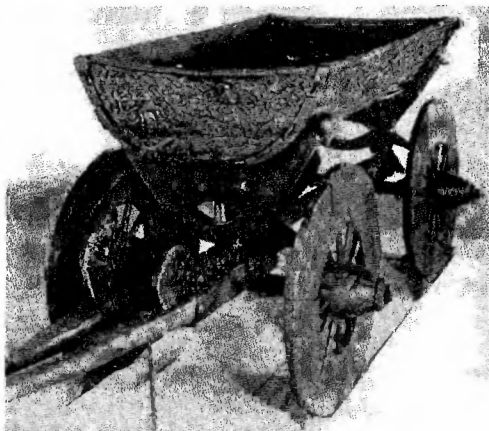
Как и сообщение Тацита, отобразенная в истории Гуннара религиозная практика связывала наступление мира и процветания с регулярно совершаемыми божеством объездами "подвластных" ему территорий. В пряди прямо говорится, что Фрейр отправляется по стране посещать устраиваемые для него шведами жертвенные пиры дабы "улучшать людям урожай" (*gera möppum árbót*). Ни самое путешествие языческого божества, ни его сакральные атрибуты – считается, что колесница символизирует смерть и весеннее возрождение, являясь, таким образом, важнейшей составной частью культа плодородия¹⁵, – не упоминаются в каких-либо иных письменных источниках. Однако, судя по всему, эти сведения могут быть подтверждены археологическими находками: культовыми повозками железного века и эпохи викингов, обнаруженными в захоронениях на территории Ютландии и Норвегии, а возможно, также и относящимся к еще более раннему времени (середина – конец I тыс. до н.э.) рисунком на погребальной урне, найденным в иллирийской области (Эденбург, Германия), на котором изображена колесница, по всей видимости, со стоящим в ней идолом. Учитывая же явно просматривающиеся за сообщениями как скандинавских, так и латинских источников признаки архаической сакрализации шведских правителей, в частности возложение на них ответственности за урожай, естественно видеть связь между культовым путешествием бога плодородия и средневековым обычаем, связанным с именем короля Эри-

ка, так наз. Eriksgata (“дорога Эрика”). Согласно ему, вновь избранный конунг должен был объехать страну, двигаясь по ходу солнца, — ритуал, в котором король, похоже, выступал наследником Фрейра¹⁶.

Будучи единственной историей, прямо подтверждающей центральные элементы описанного Тацитом древнего культа, рассказ о Гуннаре оказывается важным звеном, помогающим восстановить отдельные, как можно было бы думать, безвозвратно утраченные мифологические связи. Прежде всего это касается взаимоотношений Фрейра с легендарным королем Фроди, при котором установился не однажды упоминаемый в разнообразных скандинавских текстах “мир Фроди” (Fróða fridr) — многолетний период всеобщего благоденствия и спокойствия, когда по всей земле не было ни войн, ни беззаконий. Вот как в “Младшей Эдде” разъясняется наименование этой благословенной эпохи: Фроди, сын Фридлейва, правнук Одина, был датским конунгом, правившим “в те времена, когда Август кесарь водворил на всей земле мир, тогда родился Христос”. Поскольку же Фроди был “самым могущественным конунгом в северных странах, считают, что это он водворил мир во всех землях, где говорят по-датски (т.е. на древнескандинавском языке. — *Е.Г.*), и люди на севере называют это миром Фроди. Тогда никто не чинил зла другому, даже повстречав убийцу отца или брата... Не было тогда ни воров, ни грабителей, так что одно золотое кольцо долго лежало на Ялангрсхейд-поле (в Ютландии. — *Е.Г.*)”¹⁷. Согласно изложению Снорри, этот великий мир завершился убийством Фроди “намолотым” ему на волшебной мельнице Гротти вражеским воинством (о чем повествуется в эддической “Песни о Гротти”). Примерно то же, причем значительно более подробно, рассказывает об этом датском короле, чья империя помимо Севера включала в себя десятки стран и народов, простираясь от Рейна на западе до Руси (Ruscía) на востоке, Саксон Грамматик. За одним лишь отличием: причиной смерти Фрото (Фроди) в “Деяниях датчан” названа обернувшаяся морской коровой колдунья, проткнувшая престарелого короля рогом (кн. V). Кроме того, Саксон особо останавливается на посмертной судьбе Фроди. Сообщается, что после гибели короля, зная, испугавшись восстания провинций и распада империи, в течение трех лет скрывала ото всех его смерть и возила по всем землям забальзамированное тело Фроди в королевской колеснице, объясняя такой способ передвижения немощью дряхлого правителя.

В рассказе этом, и в особенности в его последней части, не просто просматриваются прозрачные параллели с описанными в нашей пряди и у Тацита регулярными посещениями божества плодородия, чьи совершаемые в ритуальной колеснице поездки приносят смертным мир и процветание, он еще и содержит прямые указания на отождествление Фроди с Фрейром¹⁸. Начать с того, что и Freyг, и Fróði вполне

могут пониматься как имена нарицательные. Первое наименование означает "господин", второе – по происхождению прилагательное: *inn fróði* – "мудрый" (изначально "изобильный"), вместе же они составляют существительное с эпитетом – *Freug inn fróði*. В "Саге об Инглигах" (гл. X) этот "изобильный господин", по-видимому, появляется под своим полным именем: здесь он назван Ингви-Фрейром (*Yngvi-Freug*) и объявлен родоначальником шведско-норвежской королевской династии Инглингов ("потомков Инга")¹⁹. Впрочем, у Снорри Ингви-Фрейр вовсе и не бог, но смертный конунг, правлению которого шведы приписывали урожайные годы и воцарившийся повсюду мир, – последний, как и в других местах, называется здесь "миром Фроди". Тут же излагается история обожествления Фрейра. Когда этот правитель заболел и умер, он был тайно перенесен в курган, где его тело сохранялось в течение трех лет. Шведам же было сказано, что Фрейр жив, и они продолжали приносить ему подати, которые сыпались в его курган через специально проделанные окна: "в одно окно – золото, в другое – серебро, а в третье – медные деньги. И благоденствие и мир сохранялись". Впоследствии правда о смерти Фрейра вышла наружу, однако оказалось, что благоденствие и мир тем не менее сохраняются. Поэтому люди решили, что "так будет все время, пока Фрейр в Швеции, и не захотели сжигать его"; они называли его "мировым богом" (*veraldar god*), и с тех пор всегда приносили ему жертвы "за урожайный год и мир"²⁰. Аналогии с рассказом в "Деяниях датчан" очевидны: в обеих историях смерть правителя скрывается от народа в течение трех лет, кроме того, установленный по всему свету "мир Фроди" – властителя, представленного Саксоном Грамматиком Августом Севера – оказывается прямой заслугой Фрейра...

Ил. 3. Повозка из захоронения в Усеберге, украшенная резными изображениями сцен из древнескандинавских сказаний (Норвегия, IX в.)

* * *

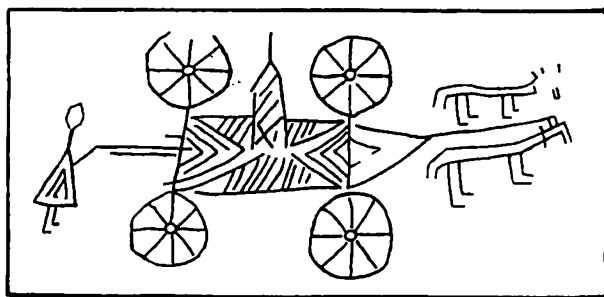
Вовсе не оспаривая возможности рассматривать историю Гуннара в качестве одного из ценных источников информации о древнескандинавском культе бога плодородия, нельзя не заметить, что перед на-

ми произведение, в котором языческие обычаи и верования изображаются с позиций средневекового христианства и не просто подвергаются осуждению (а не исключено, что и осмеянию²¹), но вдобавок еще и неизбежному искажению. По всем признакам этот рассказ – типичная “прядь о крещении” с характерной для подобного рода сочинений темой богоборчества и неперменной концовкой – обращением неверных (в данном случае в лице бывшей “жены” Фрейра и возвращенного в лоно церкви вероотступника Гуннара). В подспудном или открытом столкновении, которое зачастую принимает в этих историях форму поединка или состязания в силе и ловкости²², язычество неизбежно проигрывает христианству, доказывающему свое преимущество перед старым обычаем – превосходство веры в “Белого Христа” над поклонением “деревянными богам” (trégod, skurdgod). Эти последние в таких рассказах всегда развенчиваются, причем, как правило, разоблачается их истинная сущность. То же имеет место и в нашей пряди.

Напомним, что необычайные жизненные проявления Фрейра, демонстрирующего известную “одушевленность”, объясняются здесь тем, что в его деревянной оболочке скрывается демон. Когда идол двигался, то, по мнению язычников, им владело божество, которое он представлял, а по мнению христиан – дьявол. Одолев в схватке с помощью короля Олава Трюггвасона и обратив в бегство нечистого, Гуннар разрушает опустевшее дупло. Еще более разительные способности, причем опять-таки благодаря таящемуся в нем дьяволу, обнаруживает идол другого божества. В “Пряди о Рёгнвальде и Рауде”²³ рассказывается о “великом жертвователе” Рауде, большом почитателе Тора. От приносимых Раудом многочисленных жертв идол набирался такой силы (magnade med myklum blotskar líkneski Þors), что “дьявол говорил с ним” из деревянного истукана. Больше того: дьявол так управлял этим идолом, что всем казалось, будто тот ходит, и Рауд часто водил Тора по острову, где находилось капище. В дальнейшем этот могущественный Тор потерпел поражение в столкновении с Олавом Трюггвасоном и встретил свой бесславный конец²⁴.

Демонологическое объяснение природы языческих богов легко сочетается с эвгемеристическим, так что обе эти, казалось бы, не вполне согласующиеся между собой трактовки, могут последовательно использоваться в рамках одного и того же эпизода саги о короле-крестителе²⁵. В том же жизнеописании Олава Трюггвасона после истории о злключениях Гуннара мы находим рассказ, место действия которого – уже не языческая Швеция, но норвежский Трёндалёг в пору христианизации. В нем повествуется о том, как конунгу пришлось самолично учинить расправу над вынесенным им из капища идолом Фрейра, тем самым предоставив своим подданным

возможность воочию убедиться в беспомощности и бессилии их деревянного кумира²⁶. В отличие от "шведского" Фрейра, с которым довелось столкнуться Гуннару, его норвежский двойник не обнаруживает ни малейших признаков жизни, притом, что прежде, как утверждали прибывшие на народное собрание почитатели этого божества, он не раз говорил с ними и приносил им "мир и урожай". Растволковав этим людям в присутствии доставленного из капища истукана, что с ними скорее всего разговаривал не кто иной, как сам дьявол, конунг пожелал сам удостовериться в могуществе и необыкновенных способностях идола и выяснить, действительно ли он умеет "говорить и отвечать". Тот, однако, никак не реагировал на обращенные к нему речи государя, а потом даже не попытался обороняться от ударов королевской секиры, мгновенно превратившей его в груды щепок. Покончив с идолом, Олав разъяснил трэндам, кем на самом деле был их бог. Из его слов следовало, что Фрейр был "великим конунгом" в Швеции, при котором в стране царил мир и благоденствие. Когда он умер, его поместили в курган, однако шведы верили, что он все еще жив, поклонялись ему как богу и, как и во времена его правления, приносили ему дань – золото, серебро и медные монеты за то, что он обеспечивал им урожай и мир. А чтобы он не скучал, ради его увеселения они вырезали из дерева двух истуканов, которые также были помещены в курган. Позднее эти деревянные люди (*trémenn*) были извлечены из кургана вместе с сокровищами, и им обоим присвоили имя Фрейра. Одного из них шведы оставили себе и стали приносить ему жертвы, другого же отправили в Трёндалёг, где ему начал также поклоняться тамошний люд. Таким образом, то, что они принимали за живое божество, на самом деле было изготовленным из дерева "творением человеческих рук, которое лежит теперь здесь, изрубленное на мелкие куски и готовое на растопку". Тут же сообщается и о якобы водворившемся при Фрейре "мире Фроди", за который на Севере принимали Рах Augusta, начавшийся в то самое время, "когда истинный Бог послал своего возлюбленного Сына на помощь и во спасение всего человечества..."²⁷. Как видим, эвгемеристическая интерпретация происхождения языческого культа, вложенная в уста первого христианского правителя Норвегии, в значительной своей части почти дословно совпадает с уже приводившимся рассказом из "Саги об Инглингах", где с рационалистических позиций излагается история возникновения королевского рода Инглингов. Следует, однако, отметить и знаменательное отличие версии Снорри от процитированного здесь рассказа: в ней ни словом не упоминаются деревянные истуканы, "за компанию" препровожденные в курган вместе с Фрейром. Надо полагать, что последующее появление этих идолов в жизнеописании Олава Трюгвасона было обусловлено выдвиганием на первый план темы обра-

Ил. 4. Изображение ритуальной повозки с идолом (?) на погребальной урне раннего железного века (Эденбург, Германия)

щения и осуждения язычества, не играющей сколько-нибудь заметной роли в начальной саге “Круга Земного”, где ничего не сказано и о дьявольской сущности древнескандинавских богов²⁸.

Эвгемеристическая трактовка языческого культа находит отражение и в рассказе о Гуннаре: шведы с готовностью поддаются обману, принимая за Фрейра (в действительности – одухотворенного дьявольским колдовством деревянного идола!) живого человека, обожествляют его и приносят ему жертвы. Не исключено, что автор пряди иронизирует над неразумными язычниками, не способными отличить вырезанного из куска дерева истукана от существа из плоти и крови и догадавшимися о мошенничестве Гуннара не раньше, чем тот бежал, захватив с собой принесенные ими драгоценные пожертвования “за мир и урожай”. Неудивительно, что эта беспрецедентная в древнескандинавской литературе дерзкая мистификация натолкнула кое-кого из исследователей на мысль о возможно имевшем здесь место инокультурном влиянии.

Тогда как историки религии находят в приключении Гуннара в Швеции отголоски древнегерманского языческого культа, историки литературы, напротив, скорее, склонны усматривать в нем исландскую адаптацию популярного на протяжении всего Средневековья бродячего мотива, получившего наименование “обман Нектанеба”²⁹. Последний восходит к роману псевдо-Каллисфена “Александрия”, созданному на рубеже II и III вв., где, в частности, рассказывается об обстоятельствах появления на свет Александра Македонского. Пораженный красотой македонской царицы Олимпиады волхв и целитель Нектанеб, в прошлом египетский правитель, желая овладеть ею, “открывает” ей намерение богов сделать ее матерью великого царя, после чего является к ней сам в образе бога Аммона. Современному читателю тот же мотив известен, в первую очередь, из “Декамерона” Боккаччо, в одной из новелл которого (IV. 2) некий

брат Альберт соблазняет простодушную мадонну Лизетту, выдавая себя за ангела³⁰. Поскольку и в случае с Гуннаром как будто бы налицо аналогичный обман – простой смертный выдает себя за сверхъестественное существо, вследствие чего обретает земную возлюбленную, – было высказано предположение, что в конечном счете и этот исландский рассказ может быть обязан своим происхождением античному сюжету о Нектанебе³¹. Принимая во внимание те далеко идущие трансформации, которым обычно подвергались на исландской почве занесенные с континента (или из Англии) мотивы и сюжеты, было бы неосмотрительным категорически отвергать самую возможность подобного заимствования: ведь и на этот раз привезенный из-за моря рассказ мог претерпеть радикальные изменения. Как бы то ни было, обман Гуннара обнаруживает с “обманом Нектанеба” лишь то общее, что и там, и там герой успешно выдает себя за сверхъестественное существо – могущественного бога и именно в этом качестве вступает в связь с земной женщиной. Мотивы же этого плутовства совершенно различны. Если в античной истории и производной от нее позднейшей новеллистической традиции его объектом является женщина, чьей любви добивается герой, то в нашей пряди женщина как раз и оказывается исключенной из круга вводимых в заблуждение лиц: напротив, она изначально посвящена в намерения героя и становится его сообщницей.

Совершенно очевидно, что изображение взаимоотношений Гуннара с “женой” Фрейра не укладывается в рамки иноземного сюжета, зато ему нетрудно отыскать параллели в самих прядях. В отличие от “саг об исландцах”, где женщина обычно играет роль хранительницы семейной чести и подстрекательницы к мести, выступая в конфликтах на стороне своего мужа и сыновей, в прядях она, как правило, наоборот, переходит в лагерь противника, принимая на себя функции помощницы героя – антагониста своего супруга. Обычно это высокопоставленная женщина, покровительствующая безвестному чужестранцу, не взирая на враждебность к нему собственного мужа (порой дело доходит даже до открытой конфронтации между супругами, как в “Первой Пряди о Халльдоре сыне Снорри” или в “Пряди о Стейне сыне Скафти”)³². То же наблюдается и в нашем рассказе, с той лишь разницей, что ситуация резко изменяется после того, как герой одерживает победу над могущественным “мужем” героини: из благодетельницы, давшей приют бедному чужестранцу, и хозяйки, отдававшей ему приказания, жена Фрейра в одночасье превращается в спутницу и наложницу лжебога, утратившую свое бывшее положение и целиком зависящую от милости вчерашнего бродяги. Что же до любовной темы, то, как и в подавляющем большинстве прядей, она здесь не акцентируется вовсе, так что можно вообще усомниться в ее наличии. Новоиспеченных “супру-

гов” в первую очередь связывает соучастие в обмане, в случае обнаружения которого им обоим грозит верная гибель, а также жажда обогащения: не случайно, решившись наконец бежать в Норвегию, они не забывают прихватить с собой столько полученного от одуряченных шведов “движимого имущества, сколько были в состоянии унести на себе”.

В отличие от саг об исландцах, пряди – это, как правило, истории со счастливым концом. Герои таких рассказов удачливы и с честью выходят из выпавших на их долю испытаний. И для Гуннара его злоключения заканчиваются вполне благополучно. Явившись в Швецию бездомным скитальцем, вынужденным бежать на чужбину от государева гнева, Гуннар возвращается в Норвегию победителем: он заручился прощением конунга Олава, одолел Фрейра, стяжал большие богатства, наконец, приобрел жену. Однако его успех зиждется на обмане, а потому можно ли с уверенностью считать, что, подобно другим персонажам прядей, он завоевал его с честью? Дать ответ на этот вопрос не так-то просто. Как и анонимный автор саги, рассказчик пряди воздерживается от прямой оценки моральных качеств и поступков своих героев, поэтому о его отношении к ним приходится судить лишь на основании совокупности косвенных признаков, в том числе и высказываний других персонажей рассказа.

Первое, что читатель узнает о Гуннаре, это его прозвище, полученное им за пристрастие к двуцветной одежде – *helmingr* (букв. “половина”). Между тем известно, что в то время, когда, как предполагается, создавалась прядь (конец XIII – начало XIV в.³³), подобное щегольство осуждалось. В 1269 г. в Исландии был издан епископский запрет священникам носить яркую (“красную, желтую или зеленую”), а также “двуцветную” (*hálfskipt*) одежду. В Норвегии аналогичный запрет на ношение двуцветного платья уже для всех лиц мужского пола был введен при короле Хаконе Магнуссоне (1299–1319)³⁴. Поскольку же прозвище – не что иное как общественная характеристика индивида, в данном случае оно, по всей видимости, свидетельствует о том, что окружающие считали Гуннара легковесным франтом и не принимали его всерьез³⁵. Это мнение подтверждает реакция Олава Трюггвасона на известие о якобы совершенном им убийстве (“Никогда бы не подумал, что он на такое способен”), а также впоследствии высказанная конунгом догадка, что кому же, как не Гуннару, скрываться под личиной Фрейра. Из подобных замечаний следует, что от этого человека скорее можно было ожидать плутовства, нежели решительных и отважных поступков. Трудно судить о том, как средневековая аудитория пряди воспринимала взятую им на себя роль бога плодородия: по-видимому, обман оправдывался тем, что он был направлен против язычников.

Совершенно очевидно, однако, что во время своего пребывания в Швеции, Гуннар, хотя и одержал верх над Фрейром, показал себя плохим христианином. Он не исполнил данного им обета вернуться к королю Олаву в случае, если ему будет дарована победа над "демоном", но вместо этого самым "жалким образом" продолжал губить свою душу ради золота и драгоценных нарядов. Страсть Гуннара к мишуре и послужила причиной его мытарств, ведь все его невзгоды начались всего-навсего из-за яркого плаща. Из чувства признательности за этот сомнительный дар он, вместо того, чтобы выдать человека, бесчестно переложившего на него вину за свое преступление, почел за лучшее покинуть родные края и тем самым понес расплату за собственное фатовство.

Обман и становится связующим звеном между двумя объединенными в одну историю рассказами. При этом обман не просто служит средством, обеспечивающим композиционную целостность "Пряди об Эгмунде Битом и Гуннаре Пополам": бросается в глаза основанный на нем параллелизм ситуаций, которые описываются в обеих ее частях. И там, и там действует герой-обманщик, выдающий себя за другого и ради достижения своей цели прибегающий к переодеванию.

Тогда как Гуннар заслуживает снисхождения уже только потому, что одновременно выступает и как жертва обмана, "этический облик" Эгмунда представляется современному читателю более определенным. Однако можем ли мы быть уверенными, что наша оценка действий этого героя совпадает с отношением к нему средневековой исландской аудитории? Рупором общественного мнения несомненно является здесь воспитатель и родич Эгмунда, Глум Убийца, чья позиция высказана предельно ясно: Эгмунд покрыл себя позором, не отомстив обидчику, и либо он, пусть и с большим опозданием, но все же "покажет себя настоящим мужем", как и пристало члену их рода, либо своим бездействием докажет, что он "ни на что не годен", так как пошел в своего отца-вольнотпущенника ("часто недостает отваги тем, кто ведет свой род от рабов"). Эгмунд мстит, возвращая себе расположение своего воспитателя, а значит, осуществляет первую из этих возможностей. Однако читатель остается в неведении, был ли Глум осведомлен о том, как он обошелся с Гуннаром Пополам. Естественно, складывается впечатление, что в конечном счете раб в Эгмунде берет верх над родовитым хозяином, и совершенный с серьезными моральными издержками акт отмщения в действительности не приводит к восстановлению утраченной чести. Это впечатление как будто бы поддерживается параллелями из других прядей: собираясь отомстить, их герои нередко прибегают ко всякого рода ухищрениям, дабы остаться неузнанными, однако никто, кроме Эгмунда, не взваливает ответственность за совершенное

им убийство на случайно подвернувшегося и ни в чем не повинного прохожего!³⁶ И тем не менее не будем спешить с выводами: что если Глум все же был посвящен в обстоятельства убийства Халльварда, однако не нашел в поступке своего воспитанника ничего предосудительного?

Последнее вполне вероятно, поскольку, как оказывается, поведение героя пряди в целом ряде существенных моментов весьма напоминает описанные в “Саге о Глуме Убийце” действия его воспитателя и судьи. Из этой саги мы узнаем, что и сам Глум в молодости отнюдь не спешил совершить то, чего от него ожидали окружающие, а именно – поквитаться с обидчиками, захватившими по праву принадлежавшее ему имущество. Мало того: много позже Глум, убив в стычке своего недруга, внушает случайному участнику столкновения, двенадцатилетнему мальчику, что убийство это – дело его рук, и, таким образом, подобно Эгмунду, сознательно перекладывает ответственность на другого. В конце концов правда выходит наружу, и родичам убитого удается добиться изгнания Глума из его усадьбы на Поперечной Реке в Островном Фьорде, однако хитрость, к которой он прибегнул в этом инциденте, никак не вредит репутации героя. Приведенные параллели³⁷ заставляют иначе взглянуть и на поступок Эгмунда: не исключено, что и в нем средневековый читатель скорее усматривал изобретательность и смекалку, нежели низкий обман...

Сохранившийся в “Саге о Глуме Убийце” фрагмент пряди не позволяет судить о том, включала ли эта ее версия наряду с рассказом об Эгмунде, в котором Глуму отводилась заметная роль, также и рассказ о Гуннаре, не имевший к нему никакого отношения. Впрочем, при ближайшем рассмотрении выясняется, что и в этом втором рассказе обнаруживается известная аналогия с историей Глума – героя, так же как и Гуннар, вступившего в конфликт с Фрейром. Из саги явствует, что Глум совершил против Фрейра целый ряд преступлений: осквернил, пролив на нем кровь, посвященное этому богу поле Vitazgjafi (букв. “Надежный Податель” – Фрейр позаботился о том, чтобы это поле всегда приносило хороший урожай), затем, нарушив наложенный Фрейром запрет, в течение долгого времени прятал в священных пределах, где было расположено его капище, своего объявленного вне закона сына Вигфуса, а в довершение всего принес двусмысленную клятву в трех храмах, в том числе и в капище Фрейра³⁸. Большая часть истории Глума проходит под знаком вражды с Фрейром. Перед тем как покинуть округу, Торкель, недруг Глума, изгнанный им из собственной усадьбы, посещает капище этого божества и приносит ему быка, прося о том, чтобы та же участь когда-нибудь постигла и Глума³⁹. При этом он призывает Фрейра подать ему знак, если его жертва будет принята благосклон-

но, и тут же убеждается в том, что был услышан: бык взревел и упал мертвый. Впоследствии, незадолго до того, как Глуму, в свою очередь, пришлось оставить свои владения, ему приснился Фрейр. Он восседал на престоле на берегу реки, где к нему явилось множество народу. Это были умершие родичи Глума, желавшие примирить его с Фрейром, однако тот гневно отказал им всем, припомнив быка, некогда полученного им от Торкеля. Когда вскоре после этого сна Глум был изгнан со своей земли, он разорвал все отношения с Фрейром, а в конце саги мы узнаем, что за несколько лет до своей кончины он принял крещение и умер в белых крестильных одеждах.

Разумеется, взаимоотношения Глума с Фрейром мало чем напоминают ту историю, которая приключилась с Гуннаром в языческой Швеции, и тем не менее вполне вероятно, что именно "Сага о Глуме Убийце", герое, так же, как и Гуннар упорно враждовавшем с Фрейром, сыграла решающую роль в выборе продолжения для тесно связанного с этой сагой рассказа об Эгмунде Битом. Что же до самой необходимости в том или ином продолжении этого рассказа, то она была во многом продиктована его жанровой принадлежностью. История об Эгмунде Битом – одна из типичных прядей об исландцах на чужбине. Герой такой истории, оказавшись в Норвегии, в результате совершенного им тяжелого проступка (обычно убийства приближенного короля) вступает в конфликт с могущественным правителем страны, из которого впоследствии выходит победителем, добившись примирения с государем. Случается, что герой-исландец сходит со сцены "досрочно", и тогда его место тут же замещается другим персонажем, например, его помощником. В лице Гуннара Пополам прядь и обретает этого необходимого "преемника", который, заступив на место поспешно отбывшего восвояси героя, доводит до конца начатый им конфликт с норвежским королем.

¹ Harris J. Ögmundar þáttur dytts ok Gunnars helmings: Unity and Literary Relations // Arkiv för nordisk filologi. 1975. Bd. 90. S. 156–182.

² Древние германцы. М., 1937. С. 78.

³ Turville-Petre G. Myth and Religion of the North. L., 1964. P. 172.

⁴ Ibid. P. 172.

⁵ Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. B., 1970. Bd. II. S. 193.

⁶ Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út (Íslenzk Fornrit. I). Reykjavík, 1968. Bd. II. Bls. 321. Несколько исландцев носили прозвище Freysgodí, "Годи Фрейра". Один из них, Храфнкель, герой одноименной саги, деливший с Фрейром все свое имущество, без колебаний убивает пастуха, посмеявшегося сестер верхом на посвященного Фрейру коня Фрейфакси (и в других сагах упоминаются священные кони, принадлежащие Фрейру; конину ели на жертвенных пирах, отсюда последующий запрет на употребление ее в пищу христианами). В "Саге о Гисли" рассказывается о годи Торгриме, обычно устраивавшем пиры и приносившем жертвы Фрейру в предзимние дни. Когда он

- был похоронен, юго-западный склон его кургана никогда не замерзал, и на нем не лежал снег – свидетельство расположения к нему бога, которому он верно служил.
- ⁷ *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Ed. V. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917 (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi); Unveränderter Nachdruck, 1977. S. 257–259. (Пер. В.В. Рыбакова.)
- ⁸ *Turville-Petre G.* Op. cit. P. 245 f.
- ⁹ См., например: Flateyjarbók. Bd. III. S. 246; ср. также утверждение “Саги об Инглигах” о том, что Фрейр “воздвиг в Уппсале большое капище, и там была его столица” (*Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980. С. 15).
- ¹⁰ *Magistri Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum.* S. 259–260, (Пер. В.В. Рыбакова).
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² Ср. также и другое сообщение Тацита о том, что германцы посвящают своим божествам “рощи и дубравы” (“Германия”, гл. IX: Древние германцы. С. 60). О том, что эта древняя практика сохранялась и в Исландии, свидетельствует “Книга о заселении страны” (*Landnámabók.* Bd. II. Bls. 270), где упоминается один из исландских первооселенцев, приносивший жертвы роще (*blótadl lundinn*).
- ¹³ *Saxo Grammaticus. The History of the Danes* / Ed. H. Ellis Davidson. Cambridge, 1979. Vol. I. P. 73.
- ¹⁴ *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 74 и след. В саге это описание приводится в связи с рассказом о неудавшейся попытке Хакона Доброго, первого норвежского конунга-христианина, склонить население Трёндалёга к принятию новой веры. Не пожелавшие перейти в христианство бонды, напротив, угрозами принуждают своего правителя соблюдать обычаи предков и не уклоняться от участия в жертвенном пире – пить все посвященные богам кубки и отдавать ритуальной конины. Конунгу приходится подчиниться и выполнить их требования. В итоге он снискал любовь всего народа, причем норвежцы связывали с его правлением свое благополучие: “годы были урожайные, и царил мир” (с. 79), а когда Хакон был смертельно ранен в бою (ок. 960 г.), его похоронили в кургане и на его могиле “сказали то, что по языческому обычаю говорят, провозжая в Вальгаллу” (с. 86).
- ¹⁵ *Turville-Petre G.* Op. cit. P. 173.
- ¹⁶ *Vries J. de.* Op. cit. Bd. I. S. 473. Ср. у Адама Бременского: «Они также почитают как богов [некоторых] людей, даря им бессмертие за славные деяния. В “Житии святого Ансгария” упоминается, что подобным образом они обожествовали короля Эрика» (*Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum.* Cap. XXVI).
- ¹⁷ Младшая Эдда. С. 142 / Пер. О.А. Смирницкой. М., 1994.
- ¹⁸ *Turville-Petre G.* Op. cit. P. 170.
- ¹⁹ Ср. наименование ингвеонов у Тацита: надо полагать, что Инг(ви) (др.-сканд. *Yngvi* = др.-англ. *Ing*) считался эпонимическим предком этого германского племени. Сохранились древнеанглийские стихи, в которых фигурирует Инг, где, в частности, сказано, что он путешествовал через море в повозке. См.: *Ellis Davidson H.R. Scandinavian Mythology.* L., 1969. P. 79.
- ²⁰ *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 16.
- ²¹ См., например: *Heinrichs A. Der liebeskranke Freyr, euhemeristisch entmythisiert // Alvissmál. Forschungen zur mittelalterlichen Kultur Skandinaviens.* 1997. N 7. S. 29 f.

- ²² Как, например, в “Пряди об Эйндриди Широкоостопом”. См.: Скандинавский Вильгельм Телль / Публикация Е.А. Гуревич // Одиссей: Человек в истории, 2003. М., 2004. С. 422–450.
- ²³ Flateyjarbók. Bd. I. S. 291 ff.
- ²⁴ Ibid. S. 298.
- ²⁵ О связи средневекового эвгемеризма с демонологией см.: Weber G.W. Euhemerismus // Reallexikon der germanischen Altertumskunde: 2. Aufl. B., 1994. Bd. 8. S. 1–16.
- ²⁶ Flateyjarbók. Bd. I. S. 400–404.
- ²⁷ Ibid. S. 403.
- ²⁸ Точное время создания “Большой саги об Олаве Трюггвасоне” не установлено, по-видимому, она была написана в нач. XIV в., при этом считается, что главным источником для нее послужил именно “Круг Земной” Снорри Стурлусона. Этот же эпизод излагается и в более раннем жизнеописании Олава Трюггвасона, составленном ок. 1190 г. монахом Оддом Сноррасоном, однако в этой ранней саге содержится лишь лаконичное сообщение о том, что конунг вбежал в капище и “разбил вдребезги Фрейра и многих других богов” (Saga Olafs konungs Tryggvasunar / Udg. af P.A. Munch. Christiania, 1853. S. 37. Kap. 35).
- ²⁹ См.: Weinreich O. Der Trug des Nektanebos; Wandlungen eines Novellenstoffes. Leipzig; B., 1911.
- ³⁰ Джованни Боккаччо. Декамерон. М., 1955. С. 254–260.
- ³¹ Reuschel H. Der Göttertrug im Gunnarsþátr helmings // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1934. Bd. 71. S. 155–166.
- ³² Подробнее см.: Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика “прядей об исландцах”. М., 2004 (глава «Женщины в “прядах об исландцах”»).
- ³³ Jónas Kristjánsson. Fornáli // Eyfirdinga sögur (Íslenzk fornrit 9). Reykjavík, 1956. Bls. LXIII.
- ³⁴ Falk Hj. Altwestnordische Kleiderkunde. Kristiania, 1919. S. 81 folg. О семантике цветной одежды в древнеисландской литературе см.: Valtýr Guðmundsson. Litklædi // Arkiv för nordisk filologi. 1893. Bd. 9. S. 171–98.
- ³⁵ Harris J. Op. cit. P. 166.
- ³⁶ См. подробнее: Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла. С. 73–90.
- ³⁷ Можно отметить также и отдельные аналогии в деталях: спасаясь от преследования, Глум бросает в реку свой зеленый плащ; другой персонаж саги, пытаясь обмануть людей Глума, выворачивает наизнанку бывший на нем двусторонний (двухцветный) плащ, прикидываясь пастухом.
- ³⁸ Согласно сохранившимся описаниям, клятвы в капище приносились на специально предназначенном для этого серебряном кольце весом не менее двух унций, которое было окрашено кровью жертвенного быка.
- ³⁹ Аналогичный эпизод имеется в “Пряди о Брандкресси”.